

И. Сазонович

**Песни о девушке-войне и
былины о Ставре
Годиновиче: исследование по
истории развития славяно-
русского эпоса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Сазонович**
Песни о девушке-войне и былины о Ставре Годиновиче: исследование по истории развития славяно-русского эпоса / И. Сазонович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 184 с.

ISBN 978-5-518-00763-5

ISBN 978-5-518-00763-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Огромное накопленіе матеріаловъ по безыскусственному творчеству всѣхъ европейскихъ народовъ побудило, наконецъ, ученыхъ приняться за систематизацію его и привести къ общимъ формуламъ продуктовъ прихотливой фантазіи народной, часто прибѣгавшей къ случайному сплеленію первичныхъ фабулъ въ устной передачѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и отъ народа къ народу.

Большіе успѣхи, сдѣланные европейской и русской наукой по ознакомленію съ содержаніемъ средневѣковой литературы, отыскають новые источники для многихъ такъ называемыхъ народныхъ произведеній, возникшихъ путемъ передачи литературныхъ сюжетовъ въ народную массу. Нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть тѣхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ прежніе изслѣдователи видѣли пріавленіе народной индивидуальности, окажется ничѣмъ инымъ, какъ принаровленіемъ къ мѣстнымъ понятіямъ заимствованнаго то литературнымъ, то устнымъ путемъ чужаго сюжета.

Однако, какъ бы ни были широки размѣры международнаго литературнаго общенія, все таки остается еще многое на долю самостоятельнаго народнаго творчества, отразившаго въ себѣ самобытный складъ психики того народа, который его проявилъ.

Только при посредствѣ такого индивидуальнаго различія въ складѣ понятій и воззрѣній каждаго народа можно удовлетворительно объяснить тѣ особенности, какія наблюдаются въ поэтическихъ произведеніяхъ одинаковаго содер-

жанія, но принадлежащихъ разнымъ народамъ. Таки эписическія поэмы — пѣснь о Нибелунгахъ, пѣснь о Роландѣ, поэма о Дигенѣ Авритѣ и Слово о Полеу Игоревѣ — настолько разнятся между собою, насколько различны народности, ихъ создавшія, хотя всѣ эти литературныя памятники возникли приблизительно при той же степени культурнаго развитія каждой среды и вызваны были, пожалуй, одинаковыми внѣшними условіями.

Тоже самое слѣдуетъ имѣть въ виду и по отношенію къ чисто народнымъ памятникамъ. Нѣтъ народа безъ поэзіи, какъ нѣтъ народа безъ языка. Внѣшнія условія существованія накладываютъ рѣзкую печать на народное творчество, но очень часто они оказываются весьма сходными у разныхъ народовъ; отсюда происходитъ то поразительное совпаденіе, какое часто наблюдается у весьма отдаленныхъ племенныхъ группъ.

Съ другой стороны, единство источниковъ культуры опредѣляетъ собою однообразіе въ складѣ жизни и понятійхъ, по крайней мѣрѣ, европейскихъ народовъ. Этого обстоятельства нельзя терять изъ виду при анализѣ безыскусственной поэзіи, но также и увлекаться имъ черезъ мѣру не слѣдуетъ: народная жизнь складывается изъ взаимодействія внутреннихъ и внѣшнихъ двигателей.

Поэтому мнѣ кажутся основательными усилія тѣхъ ученыхъ, которые въ устныхъ народныхъ произведеніяхъ искали и отыскиваютъ выраженіе народной индивидуальности. Но также вполне законны стремленія и тѣхъ, которые, обнимая широкій кругозоръ литературныхъ явленій, пытались и пытаются указать совпаденія словесныхъ памятниковъ, принадлежащихъ разнымъ періодамъ и разнымъ народамъ.

Истина, какъ всегда, посрединѣ. Не увлекаться ни въ ту, ни въ другую сторону было моимъ желаніемъ. Выбравъ послѣ долгаго блужданія въ необъятномъ морѣ народнаго слова сюжетъ, показавшійся мнѣ доступнымъ для точнаго изслѣдованія, я принялся за трудъ, имѣя въ ви-

ду не только возстановить послѣдовательную исторію его развитія, но также затронуть нѣкоторые общіе вопросы, касающіеся сущности безыскусственной поэзіи.

Задача оказалась вовсе нелегкой. Пришлось прослѣдить сюжетъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, для чего понадобилось изучить мѣстные языки, усвоить точку зрѣнія научной разработки народной словесности и познакомиться съ содержаніемъ ея у германскихъ, романскихъ и славянскихъ народовъ.

Сопоставляя и анализируя собранные варианты, я не могъ игнорировать бытовыхъ явленій. Единственно они могли указать первичную почву, отъ которой пошло развитіе сюжета и дать возможность связать словесныя произведенія съ жизнью.

При изученіи сюжета, мнѣ казалось недостаточнымъ отмѣтить лишь совпаденія: по мѣрѣ силъ я стремился опредѣлить тотъ путь, каковымъ шло пѣсенное произведеніе, передаваясь отъ народа къ народу. Мнѣ думается, что, разрабатывая народную поэзію по мотивамъ, суживая вопросъ изслѣдованія и соответственно проводя анализъ въ глубь, можно придти къ болѣе или менѣе твердымъ частнымъ обобщеніямъ, а затѣмъ уже и къ широкимъ законамъ.

Насколько мнѣ удалось осуществить свой планъ и оправдать свою точку зрѣнія, предоставляю судить научной критикѣ. Самому же мнѣ остается утѣшать себя надеждой, что

Citius emergit veritas ex errore quam ex confusione.

Закончивъ свой трудъ и осматриваясь на тяжелый и долгій путь научной подготовки, я не могу безъ особой сердечной признательности помянуть имена тѣхъ гг. профессоровъ, которымъ всецѣло обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ:

Искреннее спасибо Ор. Э. Миллеру, М. И. Сухомлинову, В. И. Ламанскому, А. Н. Веселовскому и В. Ягичу.

Кромѣ того считаю себя обязаннымъ поблагодарить за содѣйствіе проф. Лейпцигскаго Университета А. Лески-

на и д-ра Вольнера, кustosа Чешскаго Национальнаго Музея А. О. Патеру и почтеннаго и многозаслуженнаго И. Букульевича-Самцинскаго, бывшаго Великаго Жупана хорватскаго, за его любезное предоставленіе въ мое распоряженіе своей богатой библіотеки. Не могу забыть также того вниманія со стороны Пресвященнаго Анатолія, Епископа Подольскаго и Балтскаго, благодаря которому мои занятія въ Афинахъ были особенно плодотворны.

П Ъ С Н И
О Д Ъ В У Ш К Ъ В О И Н Ъ
И Б Ы Л И Н Ы
О СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ.

I.

Литература вопроса.

Пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ въ первый разъ обратили на себя вниманіе итальянскаго изслѣдователя, Константина Нигры. Онъ первый замѣтилъ слѣды этихъ пѣсенъ на всемъ пространствѣ южной Европы, отъ Португаліи до Россіи включительно. Издавая нѣсколько добытыхъ имъ вариантовъ, онъ снабдилъ ихъ краткимъ введеніемъ, въ которомъ, обобщая свои наблюденія, старается установить между пѣснями генетическую связь. Сущность его выводовъ заключается въ слѣдующихъ строкахъ ¹⁾).

„Trovai tracce di questo canto in Italia, Spagna, Portogallo, Serbia, Russia e Grecia. Quali di questi paesi può rivendicarne la creazione? Qualunque ne sia l'origine, io penso che non altrimenti che dalla Provenza venne trasmesso alle due penisole italica ed iberica, passando poi colle prime crociate in Grecia e ne' paesi slavi. La redazione primitiva sarebbe quindi, secondo quest' ipotesi, anteriore alla fine del duodecimo secolo; la quale antichità è d'altronde pienamente confermata dall' indole cavalleresca dell' intiera composizione“. Итакъ, найдя слѣды тойже пѣсни въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Сербіи, Россіи и Греціи, Бонст. Нигра предполагаетъ, что первоначальной родиной ея былъ югъ Франціи, Провансъ. Отсюда она перешла на Пиренейскій и Аппенинскій полуостровъ, за тѣмъ съ первыми крестовыми походами пере-

¹⁾ Canzoni popolari del Piemonte, raccolte da Constantino Nigra. Estratto dalla Rivista Contemporanea. XI. 1858. Torino. Fasc. III. p. 90. „*Guerriera*“. Отдѣльный оттискъ изъ Rivista въ Вѣнской бібліотекѣ.

дана была въ Грецію и Славянскія земли. На чемъ основано такое предположеніе Нигры, трудно сказать? Во всякомъ случаѣ оно не вытекаетъ изъ анализа собранныхъ имъ вариантовъ. Построивъ первую гипотезу, будто бы пѣсня изъ Прованса занесена на востокъ, авторъ согласно ей считаетъ конецъ XII ст. временемъ возникновения первичной редакціи и доказательство такой древности усматриваетъ въ романтическомъ характерѣ всей композиціи ея.

Интересно отмѣтить, что какой то собиратель народныхъ пѣсенъ, Доменикъ Буффа (Domenico Buffa), снабдилъ попавшійся ему отрывокъ интересующей насъ пѣсни слѣдующимъ примѣчаніемъ: „La seguente canzone rassomiglia non poco ad una illirica. Ma più lunga è l'illirica e in molte parti diversa, e più bella assai. E tanta la rassomiglianza tra la nostra e la canzone illirica, che non può credersi causale, e quella anzi è visibilmente nata da questa“. Нигра пользовался рукописнымъ сборникомъ Буффы, но не принялъ его мнѣнія, будто бы итальянская пѣсня произошла отъ сербской. Напротивъ того, онъ отстаиваетъ свое мнѣніе, что пѣсня возникла въ романской землѣ. „Io pero non dubito“, говоритъ онъ, „che se egli (Buffa) avesse avuto sotto gli occhi le lezioni complete di Piemonte e di Portogallo, e ne avesse fatto soggetto di comparazione colla lezione serba, certo più lungae più artificiosa, me per ciò appunto meno popolare, non sarebbe stato lontano dal convenire con me“... Въ этомъ мѣстѣ Нигра сослался на извѣстный принципъ, которымъ пользуются ученые при разборѣ народныхъ пѣсенъ: чѣмъ короче народная пѣсня, тѣмъ слѣдѣе можно заключать объ ея древности.

Вотъ это всё результаты, къ которымъ пришелъ Нигра въ своемъ разборѣ собранныхъ имъ вариантовъ. Изъ такихъ пѣсенъ у него было двѣнадцать итальянскихъ и весьма незначительное количество чужезарныхъ, и при томъ по большей части мало интересныхъ отрывковъ. При такомъ матеріалѣ нѣтъ возможности установить какой либо твердый выводъ. Однако весьма замѣчательно, что при подавляющемъ количествѣ итальянскихъ пѣсенъ Нигра высказался за чужеземное происхожденіе оригинала. Въ разборѣ его теоріи мы еще возвратимся послѣ, а теперь посмотримъ, какъ совершалось накопленіе матеріала для сравненія вариантовъ этихъ пѣсенъ и что сдѣлано по установленію ихъ генетической зависимости.

Португальскій вариантъ, извѣстный Нигрѣ, заимствованъ имъ изъ превосходной работы Фердинанда Вольфа „*Proben portugiesischer und catalonischer Volksromanzten*“¹⁾. Собранныя здѣсь

¹⁾ Sitzungsberichte K. A. XX, 1. 1856. Wien.

пѣсни снабжены подробнымъ литературно-историческимъ введеніемъ, характеризующимъ народную поэзію въ Португаліи и Каталоніи.

Въ пѣснѣ, напечатанной у Ф. Вольфа, сдѣлалъ свои примѣчанія пользующійся въ наше время славой первостепеннаго знатока народной поэзіи Рейнгольдъ Келеръ ¹⁾. Онъ указалъ на двѣ параллели: на славянскую пѣсню изъ Брайны, переведенную у Анастасія Грюна ²⁾ и на валашскую сказку у Шотта ³⁾. Въ томъ же самомъ номерѣ того же журнала самъ Ф. Вольфъ обратилъ вниманіе на трудъ Нигры и на восточный вариантъ, переведенный Станисл. Жюльеномъ съ китайскаго языка. Нѣсколько лѣтъ спустя Беллерманъ опубликовалъ ⁴⁾ вариантъ испанско-португальскій, и въ томъ же году Адольфъ Вольфъ напечаталъ собранныя Георгомъ Видтеромъ пѣсни изъ Венеціанской области ⁵⁾. Одна изъ нихъ принадлежитъ къ числу разбираемыхъ пѣсней и записана отъ крестьяночекъ изъ Кастагньеро (Castagnero). О народѣ, населяющемъ этотъ край, издатель, бывший профессоромъ австрійской исторіи, говоритъ слѣдующее: „Nur wer hier mit dem Volke und in dem Volke gelebt hat, wird seine Eigenart erkenne. Es rollt in seinen Adern viel deutsches Blut. In den Dörfern an den Tiroler Bergen findet man blondköpfige, blauäugige Jungen wie an der Donau und am Rhein. Die Namen Almerich, Brunhild, Gotthard, Wittekind werden noch in die Taufbücher eingetragen. Bis in's XVI Jahrhundert waren hier deutsche Pfarrer, deutsche Richter aus Meissen, Schlesien und Wien zu treffen. In Sleit (Schio), in Arzing (Arzignano), in den Vallis, welche nach Belluno und Feltre hereinleiten, waren Edelleute deutschen Namens und deutschen Stammes anesätzig“. При изученіи странствующихъ мотивовъ народной поэзіи весьма важно знать, гдѣ происходило смѣшеніе расъ, сильно способствовавшее устной передачѣ разныхъ преданій отъ одного народа къ другому. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что сѣверъ Италіи, кажется, и послужилъ этапнымъ путемъ для нашей пѣсни. Въ примѣчаніи къ венеціанской пѣснѣ А. Вольфъ указалъ на двѣ сходныя новогреческія въ сборникѣ Кинда ⁶⁾.

¹⁾ Jahrbuch f. Romanische u. Englische Litt. III. 1861.

²⁾ Anastasius Grün, Lieder aus der Fremde, 76. Hannover 1857.

³⁾ Schott, Walachische Märchen, стр. 175. 1845.

⁴⁾ Bellermann, Portugiesische Volkslieder u. Romanzen, N 9, стр. 64—74. Leipzig 1864.

⁵⁾ Volkslieder aus Venetien. Sitzungsberichte K. A. (257 — 381.) 1864. W.

⁶⁾ Th. Kind: a) *Μυηιόλογον*. Neugriechische Volkslieder. 1849. b) *Antologie neugriechischer Volkslieder*. 1861.

Профессоръ Ор. Ѳ. Миллеръ отиѣтилъ нѣсколько славянскихъ пѣсень, сходныхъ съ былинами о Ставрѣ Годиновичѣ ¹⁾). Одна чернoгорская, одна сербская и двѣ болгар. пѣсни въ первый разъ здѣсь привлечены къ сравненію, между тѣмъ какъ сказками нѣмецкими изъ сборника Я. Гримма ²⁾, новогреческими и албанскими изъ сборника Гана ³⁾, пѣснями алтайскихъ Татаръ изъ сборника Радлова ⁴⁾ пользовался уже г. Стасовъ ⁵⁾). Указавъ еще на нѣсколько подходящихъ мотивовъ восточной поэзіи, г. Стасовъ очень смѣло построилъ свою теорію происхожденія былинъ русскихъ съ востока; проф. Ор. Ѳ. Миллеръ, напротивъ того, съ большою осторожностью остановился лишь на различіи отдѣльныхъ пересказовъ и съ поуюю основательностью не рѣшился установить генетической связи этого крайне сложнаго матеріала. Съ мнѣніями обoихъ ученыхъ мы будемъ еще имѣть дѣло нѣсколько ниже.

Самый богатый сравнительный матеріалъ для изученія нашего мотива представленъ былъ въ превосходномъ сборникѣ гг. Антоновича и Драгоманова ⁶⁾). Ученые объяснители этихъ пѣсень сдѣлали большой шагъ впередъ, указавъ на сходные мотивы малорусскіе, бѣлорусскіе, моравскіе, чешскіе и одинъ латышскій ⁷⁾); но для разъясненія внутренней зависимости собранныхъ вариантовъ ими не привнесено ничего новаго. Одно лишь замѣчаніе, по нашему мнѣнію, крайне мѣтко и интересно: образъ „поляницы женщины великой“, встрѣчаемый въ великорусскихъ былинахъ, кажется имъ стоящимъ совершенно особнякомъ; онъ не подходитъ подъ тотъ культурный періодъ, когда сложились пѣсни о дѣвущѣхъ воинѣхъ, хотя, несомнѣнно, образъ послѣдней оказалъ свое воздѣйствіе на характеръ композиціи былинъ о Ставрѣ Годиновичѣ.

Въ этой, какъ бы случайно высказанной мысли, мы усматриваемъ глубокое пониманіе сущности народной традиціи со стороны издателей и объяснителей южно-русскихъ пѣсень.

На сколько намъ извѣстно, это все, что сдѣлано въ европейской литературѣ по изученію странствующаго мотива о „дѣвущѣхъ

¹⁾ Илья Муромецъ и богат. кiev. СПб. 1869. Стр. 635—646.

²⁾ Grimm, Kinder u. Hausmärchen. 1850.

³⁾ Hahn, Griechische und albanesische Märchen. 1864.

⁴⁾ Radloff, Proben der Volkslitteratur der Türkischen Stämme Süd-Siberiens (I, II. 12—23).

⁵⁾ Стасовъ, О происхожденіи русскихъ былинъ. В. Евр. (688—696) II. 1869.

⁶⁾ Историческія пѣсни малорусскаго народа. Т. I. Стр. 314—327. Кіевъ 1874.

⁷⁾ Ив. Спрогисъ, Памятники латышскаго народнаго творчества, стр. 273. Вильна 1868.

воинѣ“, если не считать разбросанныхъ по отдѣльнымъ изданіямъ пѣсеннаго творчества указаній на параллельныя произведенія ¹⁾).

Матеріалъ, извѣстный прежнимъ изслѣдователямъ, намъ удалось пополнить довольно значительнымъ количествомъ новыхъ вариантовъ, заимствованныхъ частью изъ старыхъ изданій, частью же изъ позже появившихся сборниковъ народной поэзіи. Накопленіе элементовъ для сравненія въ настоящее время такъ велико, что намъ кажется возможнымъ сдѣлать попытку внутренняго анализа литературной традиціи, создавшей почти у всѣхъ народовъ Европы и отчасти Азии цѣлый рядъ словесныхъ произведеній, болѣе или менѣе связанныхъ съ культурнымъ строемъ каждаго народа въ отдѣльности. Преимущественное вниманіе мы обратимъ на произведенія европейскихъ народовъ и укажемъ лишь на извѣстные намъ отголоски въ литературахъ восточныхъ. Изучая пѣсенный мотивъ, мы съ особенною старательностью будемъ присматриваться къ той бытовой основѣ, на которой возникъ тотъ или другой поэтический образъ; будемъ слѣдить за тѣми измѣненіями, какія происходили въ композиціи несомнѣнно перенесеннаго произведенія подъ вліяніемъ чуждой обстановки. Такимъ образомъ можно будетъ отдѣлать въ содержаніи каждой пѣсенной группы съ одной стороны черты, свойственныя извѣстной мѣстности и съ другой — элементы, болѣе устойчивые, передаваемые вмѣстѣ съ литературной традиціей отъ одного народа къ другому. Такия два теченія въ устной словесности всѣхъ народовъ несомнѣнно существуютъ — мѣстное и чужеземное. Въ своей работѣ мы будемъ стараться удерживать равновѣсіе между этими двумя противоположными направленіями, не упуская изъ виду указаній бытовыхъ, историческихъ и литературныхъ.

¹⁾ Jérôme Bujeaud, *Chants et chansons populaires de provinces de l'Ouest*. 1866: I. (290—292); II. (84—90). Puymaigre, *Chants populaires recueillis dans le pays Messin*. 1865 (20—26).

II.

Женщина-воинъ.

Группа пѣсенъ сербско-болгарскихъ
и ново-греческихъ.

Пѣсни и сказки, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является *воинственная женщина*, началомъ своимъ коронятся въ отдаленной старинѣ, въ томъ періодѣ культурной жизни, когда дѣйствительность, подавшая поводъ къ составленію такой пѣсни или разсказа, стала уже замѣняться другимъ строемъ жизни вслѣдствіе возобладанія иныхъ принциповъ, иныхъ общественныхъ отношеній.

Явленія жизни, сперва не привлекавшія къ себѣ общественнаго вниманія въ силу своей обычности, теперь становятся замѣтными; повторяясь все рѣже и одиночѣе, они останавливаютъ на себѣ мысль людей, привыкшихъ уже къ другому порядку вещей; они глубже поражаютъ воображеніе и даютъ превосходный матеріалъ для пѣсни или разсказа.

Пѣсня, при началѣ своего возникновенія несложная по содержанию, простая по замыслу, могла явиться у разныхъ народовъ одновременно при одинаковыхъ бытовыхъ условіяхъ, соотвѣтствуя, или даже совпадая одна съ другой своей основой, своимъ содержаніемъ, разнясь только подробностями. Сказка чередуется съ пѣсней въ дальнѣйшемъ ея развитіи и часто одна питаетъ другую.

При поступательной, словесной или литературной, искусственной или безыскусственной обработкѣ основнаго мотива появляется различіе въ развитіи типа или сюжета, затемняемаго очень часто сплетеніемъ разныхъ фабулъ, заимствованныхъ нерѣдко путемъ литературнаго общенія народовъ, которое надо допустить даже для самыхъ отдаленныхъ періодовъ международныхъ сношеній.

Разсматривая собранный матеріалъ и разлагая его по содержанию на отдѣльные мотивы, мы принимаемъ за основу разсказа, за ядро каждой пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ самый фактъ, что *дѣвушка идетъ на войну*. Это бытовое явленіе послужитъ для насъ